

НАТАЛЬЯ КНЭХТ

Москва

Антропология будущего в эпоху разумных машин

Известный американский теоретик постмодернизма Фредрик Джеймисон утверждает, что постмодернизм – не вопрос выбора, что сегодня – это культурная доминанта, требующая переосмысления всей нашей политики знания¹. “Развитый капитализм”, мимикрирующий в свою современную стадию – когнитивного капитализма – порождает новые формы господства, которые действуют через развертывание сетей, переустройство коммуникаций, стрессовое управление. “Дискурс биополитики уступает место техногулу, языку сплюснутого подлежащего” – пишет Донна Харауэй:

Если мы пленники языка, тогда для побега из этой тюрьмы-языка требуются поэты языка, своего рода энзим культурного ограничения...²

Именно в “киборганической гетероглоссии”³ она видит одну из форм радикальной культурной политики.

Понятия “киборг”, “постмодернизм”, “трансгуманизм”, “пост-современность” фиксируют беспрецедентное состояние человечества в условиях продолжающегося антропологического кризиса. Они отражают потерю доверия к будущему, утрату возможности его предвидеть и управлять им. При том, что мы наблюдаем плюра-

¹ F. Jameson, *Post Modernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*, “New Left Review” 1984, July/August, p. 53-94.

² Д. Харауэй, *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.*, [в:] *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000*, Москва 2005, с. 328.

³ Там же, с. 328.

лизм моделей будущего, конкурентную борьбу за будущее. Возрастающая критика антропоцентризма и европоцентризма заставляет нас с разных позиций осмыслить и представить человеческий удел во все более неустойчивом мире, в котором начинают размываться границы человеческого.

Критика антропоцентризма и европоцентристского мышления (начатая еще Освальдом Шпенглером в *Закате Европы*, усиленная в работах постмодерниста в Мишеля Фуко, Жака Деррида и др.) усложняет рефлексию и репрезентацию самих понятий человека. Возникает разрыв между доступными, исторически сложившимися средствами описания бытия человека традиционной эпистемологии и реальным усложняющимся опытом жизни в перманентно меняющемся мире. Сегодня антропология будущего рассматривается в критических дискурсах биотехнологий. В западных формах “другого гуманизма” она обнаруживается как проблема не осуществленных гуманистических принципов в отношении “подвешенных субъектов модерности”, чьи тела выступают мощными маркерами различия, ассимиляции, отгорожения, противостояния и ре-экзистенции⁴. Кроме этого, осмысление нового мира, связанного с появлением компьютерных технологий, ставит человека перед вопросом: как нечеловеческие субъекты, появившиеся в результате технологической деятельности человека (программируемая материя, симбиотические формы и гибриды) порождают новую системную целостность, где человеку отводится уже не самая важная роль?

Мы должны учитывать, что человеческий телесный опыт пребывает в историческом времени. Что тело человека – это постоянно производимый культурный конструкт. Каждая эпоха, каждое историческое время каким-то образом пытается нейтрализовать это телесное начало. Представить человека в качестве самоорганизующегося центра, который контролирует тело. В сущности, вся история человеческого существования, вся история антропологии связана

⁴ Эти проблемы обсуждались в совместном проекте “Удел человеческий”, который объединял исследовательский, выставочный и дискуссионный форматы под эгидой Государственного центра современного искусства (ГЦСИ): Границы человеческого (человеческое, нечеловеческое, надчеловеческое, иночеловеческое), Сессия 1, Москва, 26 ноября – 31 января 2016.

с тем, насколько мы можем управлять телом, как мы можем его контролировать. При переходе от Античности к Средневековой аскетика формируется как умерщвление плоти, когда контроль над телом еще более усиливается. В Новое время, в период формирования картезианской цивилизации мы наблюдаем становление системных, продуманных и глубоких концепций мира. В этих новых структурах, в системе картезианской философии формируется новая физиология, которая затем послужит фундаментом современной физиологии как науки. Именно в учении Рене Декарта закладываются такие темы как “когито”, “эго”, “безумие” и самое интересное – “ответственность” – тема ответственности мыслящего существа, подвергающего себя абсолютному и радикальному контролю. Если мы попытаемся построить тот интеллектуальный ландшафт, воссоздать тот на сегодня невидимый фон, под эгидой которого происходило формирование картезианского понимания тела и его отношение к феноменологии телесности, то это будет образ-конструкт мертвого тела. До эпохи Нового времени такого конструкта не существовало. Огромная заслуга в этом замечательного ученого и художника Андреаса Везалия. Он в условиях запрета, который церковь наложила на аутопсию, создал свой знаменитый атлас на основе зарисовок истлевающих человеческих тел. Современный хирург Ричард Зельцер в своих мемуарах пишет:

Я понимаю тебя, Везалий: после стольких путешествий внутрь человеческого тела сегодня я снова испытываю то же чувство нарушения запретного, когда созерцаю внутренности, тот же иррациональный страх совершить неверное действие, за которое я буду наказан⁵.

Именно тогда, с появлением латентного образа мертвого тела начинает обосновываться разрыв, дистанция между мыслящим, разумным существом и той брэнной, телесной составляющей, которая должна быть подконтрольна со стороны *когито*. Когда возможен абсолютный контроль над телом? Когда тело будет воспроизводиться этой контролирующей инстанцией, т.е. тело должно быть машиной. Человеческое тело тесно ассоциируется с машиной, с автоматом, на который оно походит. В XVII веке Декарт утверждал:

⁵ R. Selzer, *La Chair et le Couteau. Confessions d'un chirurgien*, Paris 1987, p. 17.

Я предполагаю, что Тело есть не что иное, как некая статуя или машина, сделанная из земли, что Бог формирует все намеренно...⁶.

Когда мы научимся управлять телом-машиной, тогда, возможно, мы решим проблему жизни и смерти, отодвинем смерть. Этим объясняются неустанные поиски *мортального* времени. Попытки поймать момент смерти внутри еще живого тела. Очень важно зафиксировать момент, когда можно остановить жизнь, потому что появляется надежда на обратный процесс регенерации, восстановления и оживления остывающего тела. Термин “воскрешение”, нагруженный множеством религиозных смыслов, заменяется термином “реанимация”. Здесь уже просматривается амбивалентность смысла этого термина: то ли это закрепление духа (*animus*) за телом, или, быть может, это вызывание покинувшей тело души (*anima*)?⁷ Поймать смерть – это значит понять, что такое жизнь. Отсюда берет начало тема реанимации и вся мифотворческая индустрия, начинающаяся от Франкенштейна и продолжающаяся до Терминатора и мира киборгов, этой окончательной абстракции, воплощенной в апокалипсисе Звездных войн.

Именно с Декарта начинаются попытки репрезентации тела – тела безжизненного, тела, которое может выставляться и исследоваться как объект. Этот мощный картезианский ход от тела к объекту продолжает развитие в новых практиках медицины, психологии, антропологии, этнографии. В начале XX века программа экспериментов над людьми (бедные слои населения, меньшинства, колонизированные народы, женщины и дети – люди наиболее уязвимые) была заявлена врачами как символ их власти. Это породило страхи и фантазмы, которые нашли отражение в литературе того времени. Так, например, Леон Доде в *Помощниках смерти* (1894) описывает случаи смертоносного для пациентов помешательства в стане врачей. Кошмарные инсценировки спектаклей театра “Гран-Гиньоль” (пьесы Андре де Лорда и Альфреда Бине), в которых обыгрывалась тема сумасшедшего ученого, были популярны вплоть до Второй Мировой войны⁸.

⁶ Р. Декарт, *Человек*, Москва 2012, с. 6.

⁷ А. М. Мулен, *Тело с точки зрения медицины*, [в:] *История тела: в 3 т.*, т. 3: *Перемена взгляда: XX век*, Москва 2016, с. 29-30.

⁸ A. de Lord, A. Binet, *L'Horrible Expérience*, [Paris: Grand-Guignol, 29 novembre 1909], Paris 1910.

С конца XIX века начинается новая эпоха – эпоха разрушительных войн, принесших огромные человеческие жертвы. Кровавые парадоксы истории, войны, неразумные тенденции в развитии цивилизации (печи Освенцима, фабрики массового уничтожения людей, экологические катастрофы, вызванные отрицательными факторами НТП, когда рационализированное научное знание принимает форму безумия перед Богом, и пр.) в конце XIX и начале XX в. обнажили феномен тела искалеченного.

Появляется новый феномен – тело, травмированное ужасами войны. Тело с нарушенной целостностью, сопряженное с неполноценностью жизни, с нехваткой бытия. Уже в конце XIX века в идеологических системах происходит отказ от представления тела-объекта, вписанного в космический порядок, т.к. человек уже не может удерживать и контролировать то, что раньше подчинялось его разуму, опорой которого была картезианская рациональность.

Рентгеновский снимок становится новым символом эпохи, объектом любовного фетишизма – как это случилось с персонажем *Волшебной горы* Томаса Манна. Его герой – молодой Ганс Касторп – созерцает снимок легких, оставленный его подругой, милой Клавдией. В это же время появляется феномен одинокого тела. Пронзительная тема индивида и боли находит отражение в военной прозе. Французский писатель Жорж Дюамель, участвовавший в Первой мировой войне в качестве военного хирурга, пишет:

Я чувствовал себя подобно бедному слуге на этом пиршестве страдания!⁹.

Что нужно сделать, чтобы положить конец боли? Боль ассоциируется с телом. Тело, лишённое сознания, не испытывает боли. Значит нужно воздействовать на тело с целью потери чувствительности (*аналгезии*) вплоть до потери сознания. Развитие анестезии, появление летучих анестетиков, а затем и нейролептиков приводит к революции в области обезболивания. Управление болью – погружение в аномальный сон (в случаях психических расстройств), гипнотическое и галлюцинаторное состояние под действием барбитуратов – стимулировали исследования измененных состояний сознания.

Рождение феноменологии, психоанализа, гештальтпсихологии, философии и литературы экзистенциализма связано с попытками

⁹ G. Duhamel, *La Pesée des âmes*, Paris 1949, p. 47.

восстановить утерянную человеческую целостность, найти новую рациональность и даже задействовать иррациональные моменты с целью компенсации нехватки.

С переходом к новейшему времени, с появлением новых технологий проблема восстановления целостности искалеченного тела решается искусственным дотраиванием, тем самым достигается компенсация утерянной человеческой телесности. Однако сегодня мы сталкиваемся с новой проблемой – с процессом разрушения единого генотипа в области технической вооруженности человека. Идет процесс с невероятно нарастающей скоростью – процесс заменимости частей человеческого тела – процесс протезирования всех форм чувственности. Если в конце 90-х г. XX века в медицинском журнале по анатомии на анатомическом корпусе человека можно было увидеть чуть больше полусотни маркированных органов, которые научились пересаживать, то сегодня их число невероятно возросло. Фактически современный человек состоит из искусственных протезированных участков. Это не только внешние гаджеты (телефоны, смартфоны, компьютеры, продолжающие человеческую телесность), не только внешнее протезирование, но и внутреннее, когда микроэлементы имплантируются внутрь человека (кардиостимуляторы, новые усилители зрения и слуха, биокожа и пр.). Изменения происходят в разных измерениях, и человек теряет ту центрацию, которая была характерна со времен Декарта для новоевропейского сознания. Это мощная потеря субъективации, которая была достоинством и силой европейского самосознания и которая сегодня начинает размываться. Происходит размывание границ человеческого/нечеловеческого, объекта/субъекта, социального/несоциального, жизни/не-жизни. Это сегодня ставит перед нами ряд эпистемологических и морально-этических проблем. Например: человек, имеющий искусственный протез, – это киборг?

Киборг – это понятие сейчас широко используется. Его появление связано с внедрением новых технологий, в результате чего мы получаем “диджитал боди” – то тело, которое является исчезающим, цифровым. Это и послужило поводом говорить о глобальном антропологическом кризисе. Возникают новые технологии, которые уже не соответствуют телесному опыту человека. Кризис связывается уже не столько с размыванием человеческого, но и в скорой перспективе с исчезновением человеческого. Размывание границ

человеческого, или прорыв границы можно заметить в нескольких местах.

Во-первых, к концу XX века научная культура, граница между человеческим и животным во многих местах была прорвана. Биология и эволюционная теория вывели современные организмы как объекты познания и почти стерли черту между науками о жизни и социальными науками (проходят демонстрации в защиту прав животных). Киборг появляется в мифе в том месте, где нарушена граница между животным и человеком.

Во-вторых, граница была пробита между животно-человеческим (организмом) и машиной. В докибернетическую эпоху машины не были спамодвижущимися, самостроющимися, автономными. Современные машины истончают различие между естественным и искусственным, умом и телом, саморазвивающимся и выстраиваемым извне. Происходит переопределение машины и организма в качестве кодированных текстов, через которые мы включаемся в игру письма и чтения мира¹⁰.

Татьяна Толстая замечательно точно описывает психофизическое состояние современного человека-урбаниста, “заброшенного” в пугающе-завораживающий мир бескрайних пространств-дорог, космических скоростей, неизбывного одиночества и непрерывного, почти механического самоконтроля:

Я знаю, какой перекресток я буду проезжать, под какими деревьями стоять на светофоре, когда проклюнется на горизонте тяжелое малиновое негреющее солнце. Я знаю, на какую дорогу я поверну, когда оно выкатится на небеса о всей своей внутренней славе, белое и страшное – как на бешеных картинах Тёрнера, – и ослепит всех водителей всех машин, несущихся со мной на зимний, сдвинутый к северу восток. Опустить щиток, надеть черные очки – вся армия водителей делает то же, все мы автоматы, все прогрызаем себе путь в тяжелом мире крошащимися зубами¹¹.

В-третьих, становится все более расплывчатой граница между физическим и нефизическим. Современные машины – это микроэлектронные устройства: они повсюду и они невидимы. Силиконовый чип – поверхность для письма. Письмо, власть и технология

¹⁰ Д. Харауэй, *Манифест киборгов...*, с. 327.

¹¹ Т. Толстая, *Легкие миры*. Москва 2014, с. 164.

– давние партнеры, но миниатюризация переменяла наше восприятие механизма. Лучшие машины сделаны из солнечного света. Они легки и чисты, потому что они сигналы, электромагнитные волны, сектора спектра. Людям далеко до такой текучести – они материальны и непрозрачны. Киборги – это эфир, квинтэссенция.

В-четвертых, размывается граница между живым и неживым. Организм оказался переведен в область генетической кодировки и вычитки. Биотехнологии – технологии письма, в каком-то смысле перевели организмы как объекты познания в биотические компоненты, т.е. специальные устройства для обработки информации. Таким образом, коммуникационные технологии и биотехнологии переделывают наши тела.

Сегодня мы пронзительно явственно осознаем, что значит обладать исторически конструированным телом. Падение четких разграничений подрывает основу, структурирующую человеческую самость. Оказывается, машины – это мы, наши процессы, аспект нашего воплощения. Цифра доминирует над сознанием. А где же Бог? Сегодня говорят: “В древности бог жил в природе, в эпоху Возрождения переселился в человека, а в наше время – в машины”. Как удержать тот культурный калибр, который позволит не допустить падения человечества до уровня цивилизационного минуса и есть ли тот ориентир, на который мы должны ориентироваться, рассуждая о будущем?

Это сегодня серьезный вызов современной философии и литературе, от которых ждут построения новой онтологии и нового языка описания. Производя знания, мы находимся в своих практиках и телах, мы захвачены плотной материально-семиотической сетью. Мы имеем дело и со значениями, и с материалами. Мы вплетены в свою плоть, свои способы видения и властные отношения, которые проходят сквозь нас и артикулируются нами. Мы, люди суть метод-сборки (Д. Ло)¹². В своих практиках мы связаны вместе и представляем структурированные хинтерланды (Д. Ло)¹³. Вымы-

¹² Д. Ло, *После метода: беспорядок и социальная наука*, Москва 2015, с. 352.

¹³ Джон Ло сравнивает манеру выражения результатов научных поисков и высказываний в науке с литературными упражнениями. Однако, задаваясь вопросом об источнике появления научных высказываний и утверждений, он вводит понятие *хинтерланд* – это своеобразная сеть устройств записи (средств для нанесения меток, именовании и счета). Тогда занятие наукой предполагает

сел может изменить мир. Реальность и вымысел соотносятся. Включаются друг в друга. Но они не могут и не должны сводиться друг к другу. Донна Харауэй вводит понятие-троп – киборг:

Киборг – это кибернетический организм, гибрид машины и организма. Творение социальной реальности, а равно и литературы. Социальная реальность проживается в социальных отношениях, это наша важнейшая политическая конструкция, изменяющий мир вымысел¹⁴.

Этот троп отражает множественные взаимосвязи и напряжения (между машиной и человеком, человеком и животным), между разными политическими или социальными идентичностями и позициями, между реальностью и вымыслом. Киборг – это политический производительный троп. Он учреждает возможные новые реалии, работая с материальными семиотическими отношениями и внутри них.

Понятие киборг появляется наряду с теорией ассамбляжа, “онтологического поворота” в эпистемологии и “поворота к материальному” в социологии знания (Латур, Вулгар, Ло), которые начинаются с осмысления феноменов гибридности постсовременного мира, с возникновением новых техно-телесных “сборок” и размывания границ человеческого. Однако большинство господствующих научных парадигм не успевают за изменяющейся реальностью. Лидерство принадлежит, скорее писателям, чем ученым. В утопических и антиутопических произведениях, в научно-фантастической литературе показано, как коммуникационные технологии и биотехнологии переделывают наши тела. На стыке науки и литературы строятся природно-технические объекты, в которых различие между машиной и организмом тщательно смазано; дух, тело и орудие оказываются взаимозависимыми.

Так, например, Станислав Лем, гармонически синтезируя в своей замечательной повести *Маска*¹⁵ научную фантастику и психологический детектив, пытался исследовать проблему “автодескрипции конечного автомата”. Иначе говоря, понять может ли машина,

одновременное сочетание широкой палитры соответствующих литературных и материальныхборок (Д. Ло *После метода...*, с. 62-98).

¹⁴ Д. Харауэй, *Манифест киборгов...*, с. 323.

¹⁵ С. Лем, *Маска*, [в:] *Сборник научной фантастики*: Вып. 18, Москва 1977, с. 19-61.

облаченная в прекрасную женскую телесность, помещенная в социальную реальность квазисредневековья, самопознать свои психические процессы. В романе Филипа Дика *Мечтают ли андроиды об электроовцах?*¹⁶ поднимается тема искусственной человекоподобной жизни.

Таким образом, сегодня ансамбль философских, социологических, антропологических, а равно и литературных концептов и метафор не объединены ни общей семантикой, ни логикой построения. Создание единого языка описания – это предмет дискуссий и проблема будущего.

SUMMARY

Anthropology of the future in the age of intelligent machines

Studying the reasons for classical anthropocentrism, related to bygone century's dramatic experience as well as to newest technology development, and ways to overcome it, the author marks out the breakpoints of borderlines between human and non-human, animal-human and machine. The author follows up in retrospect the historical vision of human embodiment, from Cartesian body mechanism to modern construct, a cyborg – a hybrid of machine and organism, a social construction. Finally, the author denotes the problem of searching a new place for man inside natural and subject relations where he is not a leader anymore.

KEYWORDS: postmodernism, cyborg, the presentation of the body, the limits of human

¹⁶ Ф. К Дик, *Мечтают ли андроиды об электроовцах?*, (online), <http://nattack.narod.ru/gallery/text/BladeRunner.pdf>; <http://www.lib.ru/INOFANT/DICK/sheeps.txt>, [доступ: 25.11.2016].